Рахат-лукум и сосновые иголки

И. Дадыкин, М. Иванова, П. Волкова

Южный берег Турции – 2019

2 марта

Самолет был вечером, и в Анталью мы прилетели глубокой ночью. После Москвы здесь показалось тепло, но на самом-то деле ночью было градусов 8. Ночь южная, темная, как душа банкира – только маленькие копеечки звезд слабо пробиваются сквозь мощную засветку аэропорта. Полина разменяла деньги у скучающего напомаженного турка. Здесь в ходу турецкие лиры, похожие на украинские гривны – все с какими-то важными персонажами. Меня больше всего порадовала банкнота в 50 лир, с каким-то математиком, что ли? В общем, денежка эта щеголяла заковыристой алгебраической формулой, которую простому человеку не понять. Чумичка сияла, как начищенный медный грош.

Как выбраться за пределы города? Оказалось, что у Полины, как всегда, все схвачено – она заранее наладила контакт с местным туристом Мустафой, который любезно согласился отвезти нас на безопасное расстояние от аэропорта[1]. Смуглый, черноволосый и курчавый, он преданно ждал нас у дверей аэропорта. Всю дорогу Полина развлекала его разговорами, мы с Чумичкой отмалчивались и дремали.

Мустафа высадил нас неподалеку от деревеньки *Beškonak*, на одном из бортов каньона реки *Kopru*, и, слегка волнуясь за нашу участь, никак не хотел нас покидать. Он оставил нам воду и, что немаловажно, какие-то бисквиты. До реки было не добраться, но прямо на дорогу из соснового леса вытекал милый ручеек[2]. Растянув тент между деревьями прямо у обочины дороги, мы завалились на боковую.

3 марта

Ночью никто нас не тревожил, не ездил и не светил фарами. В приподнятом настроении мы позавтракали (то был единственный раз, когда мы ели кашу) и отправились обозревать окрестности, оставив рюкзаки на произвол густых зарослей. Пройдясь по серпантину вдоль прихотливых извивов реки, мы вышли к месту, где она вырывается из узкого каньона на простор. Здесь расположена станция рафтинга – бедолаг, которые имели несчастье залезть в реку выше по течению, тут вылавливают и приводят в себя. На границе каньона *Kopru* через теснину с добротным, основательным изяществом

---

[1] Мы ехали пару часов, сначала вдоль побережья на восток до города Serik, где Мустафа живет, а дальше – на север вдоль реки. Это обошлось нам примерно в 3 т.р. (в лирах, естественно – по официальному тарифу такси: 3 TL посадка и 2,6 TL/км – на который в аэропорту ночью расчитывать не приходилось). Здесь и далее технические комментарии Полины.

[2] N 37.20484° E 31.17781°

перекинулся пролет моста римской постройки, известного как мост *Oluk*. Древние римляне строили на века – местные жители активно пользуются мостом (его ширина позволяет проехать даже микроавтобусу).

Перейдя по мосту на другой берег, мы углубились в дебри каньона *Kopru*[3]. Крутые 30-метровые скалы, сформированные серыми конгломератами, формируют удобные для ходьбы ступеньки, поросшие зеленью – крупными молочаями, красными соснами *Pinus brutia* и неунывающими оливковыми деревьями. Впрочем, в некоторых местах облазы выглядят достаточно рискованными – не дойдя нескольких сотен метров до того участка каньона, где на противоположном берегу был наш лагерь, мы были вынуждены развернуться и в итоге, спустившись к реке, осуществили водные процедуры. Вода в реке довольно холодная и *очень* быстро течет, поэтому мое омовение ограничилось плесканием в стекавшем со стенки роднике.

Дебри каньона реки Кепрю

Взбодренные купанием, мы вернулись на место ночевки, подобрали рюкзаки и двинулись на север, вдоль *Kopruçai*. Дороги здесь хорошие, грунтовые… и их множество. Поплутав по ним, мы вышли к группе строений на берегу реки. Это место известно как приют «дядюшки Тэфвика» – проще говоря, домики напрокат. Поговорив с одним из дядюшкиных подручных, мы оставили рюкзаки в беседке и налегке отправились дальше

[3] Прямо от моста туда уходит неприметная тропка, начало: N 37.19184° E 31.18076°

на север. Так мы дошли до брода через Kopru – массивной бетонной плюшки, налепленной в месте сужения русла. Здесь в изобилии растет и плодоносит олеандр – ядовитый вечнозеленый кустарник.

Мы полюбовались на живописные обрывы западного берега реки и, вернувшись по дороге на полкилометра назад, свернули на другое ее ответвление, серпантином поднимающееся на аналогичные восточнобережные утесы. Эти внушительные обрывы формируют стометровый *Tazi* каньон[4], почему-то известный в основном среди местных. Это оживленное место отдыха, поэтому мы добрались до него на попутной машине. Поджарые, похожие на итальянцев турки были доброжелательны, а потом даже делали с нами селфи.

Каньон превзошел наши ожидания – с одной стороны замкнутый, с другой – прорезанный головокружительной глубины пропастью, он весь сложен изломанными и перекрученными слоями серых конгломератов, громоздящимися друг на друге. За стены тщетно пытается зацепиться зелень; зато наверху лес подступает к самому обрыву. Несмотря на ощутимый ветер и высоту, турки бесстрашно скачут по таким местам, что и глянуть страшно – все ради желанного селфи.

Тази каньон превзошел наши ожидания

[4] N 37.23657° E 31.17586°

Вернулись мы тоже автостопом, втиснувшись в машину какой-то несчастливой, да еще и с детьми, семейной пары. Те ни слова не знали по-английски, и попытки объяснить, куда мы хотим, успехом не увенчались. Поэтому разошлись мы несколько загадочно и дальнейший путь продолжили пешком.

Полина надоумила меня пристать к дядюшке Тэфвику и потребовать у него сыра (по-турецки *peynir*). Затея успехом не увенчалась – «дядюшка», возлежавший на тахте у окна, никак не мог взять в толк, чего от него хотят чокнутые пришельцы. Поэтому путь мы продолжили без сыра. На ночь встали в стороне от дороги, скрытые оливками; стратегическое положение прекрасно дополнялось наличием ручья с велиями и ручейниками.

4 марта

Утро выдалось слегка пасмурным. Перейдя реку по разведанному накануне броду, мы стали подниматься на западный обрыв *Kopruçai*. Это, конечно, не *Tazi Kanyon*, но метров до 50 высоты есть все равно. И ни за что бы нам не подняться, если бы не тропа, аккуратно маркированная бело-красными (в духе польского биколора) метками[5]. В то утро в долине реки стелился туман, сквозь который к лесу пробивались солнечные лучи.

К Сельге от реки можно подняться по горной тропе

[5] Эта тропа показана на Open street maps, и отходит вверх от дороги, идущей вдоль реки, у большого камня с меткой (N 37.21942° E 31.17833°). Прекрасная альтернатива старой римской дороге-серпантину, ведущей к Selge от моста Oluk.

От каждого поворота открывался новый вид на оставшуюся далеко внизу реку. Стали попадаться старые можжевельники и земляничные деревья *Arbutus andrachne,* издалека выделяющиеся ярко-красным гладким стволом и ветвями. Наконец мы перевалили край обрыва. Тропа пошла выше, петляя меж выветренных каменных столбов. Кое-где к останцам лепились неказистые каменные строения – загоны для овец.

Каменный лес из останцов

Выше по склону останцов становилось все больше и больше – настоящий лес, тонущий в море зелени платанов и дубов. Затем столбы расступились в стороны, между ними пролегли широкие прогалины овечьих выпасов, укрепленные сложенными из камней уступами. Очередной поворот дороги вывел нас к деревне *Selge*, славной сохранившимся с античных времен амфитеатром. Быт турок до неопрятного прост – всюду бродят коровы и овцы, а также куры. Дома все сплошь глинобитные, беленые, крытые красной черепицей, обычно двухэтажные; на втором этаже часто расположена увитая виноградом беседка. Правда, в это время года, пока виноград не отрастил листья, беседки кажутся гнездами каких-то гигантских раздолбайских птиц.

Жизнь в межсезонье здесь не то чтобы замирает, но и не кипит. Какая-то женщина пыталась всучить нам можжевеловые ложки собственного производства; мы отводили глаза и мычали. Сельский магазин, разрисованный граффити, оказался небогат, но нам, наконец, удалось разжиться *peynir'*ом и *ekmek* – хлебом, а также засоленным по принципу фисташек фундуком и рахат-лукумом с халвой. Чумичка тут же с восторгом вымазалась в муке, напугав тем бродящих в малой окрестности коров и до колик насмешив нас с

Полиной. Дабы избежать ненужного внимания, на обед мы забились в одну из арок амфитеатра. Античное строение сильно пострадало за века – вся сцена оказалась завалена грудой обломков, ступени тоже во многих местах разрушились. Ехать сюда только ради амфитеатра было бы жалко.

Амфитеатр в Сельге сильно пострадал за века

Погода стала портиться, и вскоре нам пришлось облачиться в резиновые доспехи. Чумичка, в Москве жаловавшаяся на отсутствие у нее легкого плаща, была вынуждена довольствоваться моим, годы валявшимся на дальней полке. Полина сочла, что в этом плаще Чумичка – вылитая уборщица. Топая то по серпантину, то вне его, мы миновали несколько деревень, притулившихся между многочисленных останцов. В одной из них дома были построены прямо на скалах. Нас с Чумичкой изрядно забавляла Полинина боязнь коров и собак; встречи с ними избежать было невозможно – и тех, и других было в избытке. Правда, по большей части к ним прилагались крепкие турецкие мужики, способные обуздать их порывы.

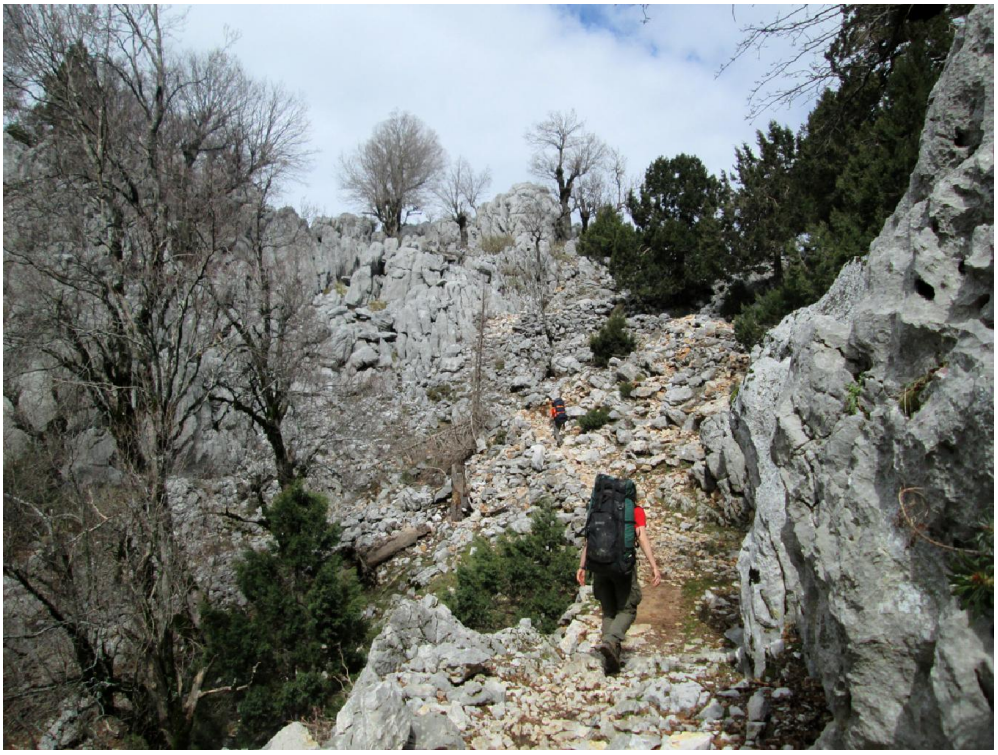
К вечеру, двигаясь по тропе, вьющейся по борту каньона, мы вышли на грунтовку и по серпантину спустились к крупному селу *Çaltepe*, которое раскинулось на обоих берегах реки (спуститься к ней можно было только в селе, не раньше). До этого на нашем пути от Selge не было ни одного ручейка (пересох даже тот, что был показан на генштабовской карте). Когда мы встали лагерем за околицей, стало уже совсем темно. За водой пришлось идти за высокий и длинный речной нанос; зато сухих дров было вдоволь. Две сельских мечети завели вечернюю молитву; усиленный плохими репродукторами гнусавый голос

муэдзина далеко разнесся по окрестностям. С другого берега реки в канон ему вторил второй муэдзин. Полное социокультурное погружение, говоря вежливо.

5 марта

Чумичку одолел насморк, отчего всю ночь она сопела нам с Полиной на ухо. Утренний намаз совершился в 06:15 и качеством полностью соответствовал вечернему. Позавтракав, мы отправились в *Çaltepe* разыскивать необходимые в перспективе продукты – у нас осталась одна пачка макарон, не считая легкой артиллерии в виде халвы и рахат-лукума. Промыкавшись по безлюдным улочкам с полчаса, мы, наконец, наткнулись на дядьку, державшего продукты за неприметной дверкой в подклете. Сказки 1001 ночи обернулись суровой былью: Али-Баба почти не говорил по-английски и был богат лишь шипучей газировкой (основная цивилизация расположена довольно далеко на другом берегу реки, идти туда мы поленились).

Покинув негостеприимное село, мы вернулись ко вчерашнему серпантину и стали подниматься по нему. Тропа, меченная теми же бело-красными пятнами, прихотливо вилась между петлями грунтовки, то проходя вдоль них, то пересекая. В конце концов, мы пошли прямо по ней и к обеду выбрались уже на солидную высоту – около 1000 м. Здесь, в тенистых лощинах, появились первые снежники. Безлесая площадка оказалась горным овечьим пастбищем – рядом виднелась группа невысоких каменных «домиков», а в лощине – пара колодцев. Тут мы и отобедали, прикончив наши *peynir* и *ekmek*, а также чай, обильно заедая его сладостями. Впору провозгласить поход зоков[6] – кажется, кроме халвы и рахат-лукума мы почти ничего не ели.



Тропа растерянно билась в тисках каменных круч

[6] Герои книжки Ирины и Леонида Тюхтяевых «Зоки и бада».

Дорога превратилась в тропу, растерянно бьющуюся в тисках каменных круч[7]. Изломанные контуры скал обступили нас с двух сторон; дальше сплошные каменные нагромождения плавно трансформировались в воронки диаметром до 200 м и глубиной до 20. На дне одного из таких провалов (Полина из-за надписи на карте генштаба упорно отстаивала их карстовое происхождение) паслась пара ишаков. По мере того, как мы поднимались, снега становилось все больше – на северных склонах появились солидные, хотя и хорошо слежавшиеся, сугробы. Пришлось переобуться, но идти мы продолжали, почти не проваливаясь. Немного разнообразили пейзаж горные дубы с узловатыми укороченными побегами и сложенные из камней домики пастухов. На многочисленных прогалинах под дубами забелели подснежники.

По мере того, как мы поднимались, снега становилось все больше

Воронки стали откровенно утомлять, тем более что тропа частично скрылась под слоем снега. Здесь метки стояли уже не так аккуратно, как на утреннем участке, и приходилось прилагать усилия, чтобы не сбиться с пути. Километра через два скитаний по все более масштабным воронкам мы, наконец, стали спускаться в ущелье реки *Koz*. Легкого спуска, однако, не получилось – неожиданно мы оказались на кромке каньона, масштабами сравнимого с *Tazi*. Тропа траверзом шла вдоль ущелья, становясь все круче; во многих местах путь преграждали небольшие лавины и камнепады. Стало смеркаться; вопреки

[7] Тропа окончательно отделяется от дороги примерно 500 м не доходя домиков с колодцами, важно не пропустить этот момент (метка на придорожном камне). До этого места сходить с дороги не имеет смысла.

опасениям, мы выскочили на относительно пологий склон, где, как по заказу, стоял очередной палеолитический домик, снабженный полиэтиленовой крышей и драным турецким флагом.

Ущелье реки Коз

Собрать дров и растопить снег не составило труда, но – новые новости! – чая у нас не оказалось. Разъев на троих пачку спагетти с приправой для роллтона с курильского острова Онекотан и майонезом из самолета (все, что у нас осталось!), мы, как принцы и нищие, заварили сосновых иголок и с этим отваром уговорили остатки халвы. Устроившись под сенью старого можжевельника, мы грелись у костра и глядели на маленькие, холодные, как гвозди, звезды.

Наше пристанище – палеолитический домик

6 марта

Этой ночью Чумичка сопела еще страшнее, так что Полина вручила ей капли. Утро выдалось ясным; в такое утро нет ничего лучше, чем выпить соснового отвара с лукуминой! На такой диете зоки стремительно худели – настоятельная потребность во вкусной, здоровой и, главное, обильной пище была очевидна. Поэтому, едва спустившись с гор по крутой тропке в долину пересохшей реки *Koz*, мы, как настоящие белые господа, отправились искать у аборигенов еды. Магазина в неотмеченной на карте деревушке (кажется, она называется Коздере) не оказалось, а до ближайшего населенного пункта, где он мог бы быть, было километров пять по прямой. Поэтому Полина быстро отыскала в деревне пансион и взяла в оборот его хозяина, сурового пожилого турка по имени Гусейн. Его жена, понимавшая по-английски значительно лучше, уразумела, *насколько* мы хотим есть, и выставила все, что было – яичницу, оливки, сыры, хлеба, помидоры, сливовое варенье и потрясающий мед[8]. Чай был в небольших стаканчиках с узкой шейкой и широким горлом; как впоследствии оказалось, это общее правило турецкого чаепития. По единственной комнате непринужденно гарцевал козленок, приведший Чумичку в восторг своей аутентичностью. Полина была более прагматична и шуганула его от разогревавшегося в печке хлеба. На этом моменте бедного козленка посадили в коробку, и в дальнейшем развитии событий он не участвовал.

Утро выдалось ясным (долина реки Коз)

[8] За все это пиршество, которое продолжалось, пока мы не утратили способность поглощать пищу, мы по своему усмотрению заплатили 50 TL (примерно 200 р с человека), и хозяева остались весьма довольны, угостив нас яблоками на прощанье.

Сама Чумичка привела в восторг Гусейна. Бывший полицейский на поверку оказался вовсе не так суров и порывался кормить Чумичку медом с ложечки, а его жена звала Чумичку «*my baby*». Выяснилось, что Гусейн однажды был в Москве и провел там 5 дней («Moscow… five days!»). Знаками и междометьями он ухитрился велеть Полине передать привет своему знакомому, Ахмеду, проживавшему в селе *Beydilli*, следующем пункте нашего назначения.

Наевшись от пуза, мы покинули гостеприимных хозяев, предоставив их с козленком собственной судьбе. Поднимаясь по горной тропе под сенью кедров, мы освежились в ручье, а затем выбрались на заснеженное плоскогорье, напоминавшее лучшие горнолыжные курорты Альп. Без особых приключений мы добрались до *Beydilli*. Село произвело на меня несколько гнетущее впечатление: расположенное в заснеженной долине в тени двухкилометрового массива горы *Sarpdağ*, с остальным миром оно соединялось тонкой нитью грунтовой дороги. Жизнь здесь не то чтобы замерла, но, несмотря на оживление, как-то прижухла. Нас встретил активный местный житель; к сожалению, его природной живости недоставало лингвистического многообразия. Тем не менее, мы смогли с ним объясниться насчет магазина (по-турецки *market*), и продавщица общалась с нами уже путем подсовывания товаров. Наконец-то у нас появились чай и чечевица; также мы пополнили стратегические запасы диеты зоков.

Заснеженное плоскогорье, напоминающее лучшие курорты Альп

Решив, что барахтаться в снегу выше 1500 м мы не хотим, мы запрыгнули в проезжавший фургон и покатили по шоссе в сторону города *Sütçüler*. Водитель высадил нас в попутной

деревеньке *Çebonisa*, посоветовав дождаться автобуса, но Полина уже вошла во вкус и застопила пикап. Его хозяева оказались настолько продвинутыми, что без лишних слов сделали с нами селфи и тут же принялись его постить. В *Sütçüler'*е мы пересели на такси[9]. Водитель, долго работавший в Германии, вещал что-то по-немецки; мы с Чумичкой только хлопали глазами, а вот Полина, учившая немецкий в школе, даже что-то понимала. Турок высадил нас на развилке шоссе *Eğirdir-Kovada*, откуда нас тут же подхватил водитель местного аналога буханки (высадив предыдущего пассажира!). Так, чередой блистательных автостопов, мы добрались до берегов обширного озера *Kovada*, с восточной стороны которого устроен природный парк. Туда-то мы и направились.

Оставив вещи в густых сосновых посадках на берегу, мы отправились гулять вдоль озера. Прибрежная зона оказалась мелкой и практически безжизненной – на каменистом субстрате росли лишь харовые водоросли, а из беспозвоночных были обильны пресноводные бокоплавы *Gammarus* sp. Не считая высаженных сосен, вдоль берега росли старые платаны и колючий подлесок – держи-дерево (*Paliurus spina-christi*), местная версия дуба, здорово напоминающая падуб, и, разумеется, сассапариль (*Smilax excelsa*). Колючая робиния росла как-то сама по себе и проблем не доставляла. С трудом продравшись сквозь заросли средиземноморских кустарников (маквис), мы окинули озеро взглядом. Впрочем, самый лучший вид оказался с дороги, шедшей выше по склону.

Самый лучший вид на озеро Ковада с дороги

[9] После короткого торга мы заплатили всего 300 р.

Вернувшись в лагерь, мы, как партизаны, развели костер, скрываясь за густым сосняком от взглядов с озера – водную гладь с неизвестной целью патрулировала моторка. Впрочем, мы остались необнаруженными, и вечер прошел без приключений. Что за кайф – вешать сухой тент в сухую погоду!

7 марта

Под конвоем собак вышли на автотрассу и кое-как отбились от преследователей. Маршрутка до Эгирдира не заставила себя ждать. Дорога огибает озеро, поэтому мы смогли убедиться в том, что Ковада со всех сторон смотрится одинаково, по-моему, вчера с дороги вид был лучше. Видели цаплю, торчавшую из какого-то затончика. Несколько раз мы переезжали какие-то зацветшие оросительные канавы, вокруг уже привычные виды на посадки оливок и каких-то орехов.

Эгирдир стоит на берегу одноимённого озера. Сохранились остатки византийской крепости. Полинин путеводитель Lonely Planet повествовал о рынке, собирающем всех кочевников с окрестных гор по четвергам. Вместо обещанных кочевников «на верблюдах» мы увидели обычный рынок сродни нашим. Даже еды сперва было не видно. Пансион Charly рекламировался в полинином путеводителе, особенно подчёркивалась дружелюбность персонала. Полина быстро убедила хозяина (охотно консультировавшего нас на прекрасном английском на тему туристических маршрутов), что нам не нужны его комнаты, а достаточно какого-нибудь уголка, где мы сможем натянуть тентик. Оставив в уголке рюкзаки до вечера, мы отправились на осмотр местных достопримечательностей.

Со стен Византийской крепости мы приметили рынок (на заднем плане гора Сиври)

От Византийской крепости почти ничего не осталось. Зато с её стен мы приметили горы овощей и фруктов внизу – там торговали окультуренные кочевники. Мы быстро затоварились ароматными апельсинусами, сыром и отправились на гору Sivri с заснеженной вершиной (высота ее составляла около 1800 м). Хозяин пансиона обещал нам добротную тропу наверх, но, видимо, мы не поняли из его объяснений, в какой момент нужно свернуть направо и поднялись с другой стороны. У здешних домов однотипные красные черепитчатые крыши с солнечными батареями. Хорошая тропа быстро закончилась и оставшееся до обеда время мы продирались сквозь колючие средиземноморские дубы (я увеличила свою коллекцию их плюсок) и карабкались по сыпучкам и валунам. На хребте приходилось напоминать себе, что *я не боюсь высоты*. Вообще с заложенным носом не гоже заниматься эквилибристикой, нарушается чувство равновесия. Вскоре мы вывалились в милый лесочек с первоцветами. Как в домашнем саду: крокусы, хохлатки. Привычно разместившись под арчой, мы накинулись на апельсинусы. Сладкие, сочные, ароматные, хорошо чистятся – радость ревеннорыла.

Городок Эгридир (на мысу) на фоне одноименного озера

На саму вершину забираться не стали, вид на город целиком и озеро открывается почти сразу над лесочком, а последний этап подъема выглядит пугающе. На окружающих город горах выложены надписи огромными красными и белыми буквами. Интересно, что там написано? Красота. Вид, достойный апельсинов.

В лесочке наткнулись на указатель к роднику. Значит, где-то рядом должна быть настоящая тропа. Не могут же любители прогулок карабкаться сюда, как мы! Конечно, совсем рядом оказалась туристическая дорожка с периодически расположенными беседками и информационными плакатами[10]. В третий раз пришли к рынку. И вот теперь,

[10] Тропа отделяется от ответвления шоссе в точке N 37.85416° E 30.84520°. Но, судя по всему, на саму вершину нужно забираться со стороны поселка Akpinar (на карте OSM там показана грунтовая дорога переходящая в тропу).

наконец, увидели настоящих кочевников с сыром в бурдюках из овечьей шкуры и горами оливок всех возможных цветов и размеров.

Вид (достойный апельсинов) с горы Сиври

Прогулялись по набережной по мысу мимо порта, ресторанчиков и отелей[11]. Видели пиратский дом с поломанными перилами, выбитыми окнами и милыми разноцветными окошками внизу, дополняющими интерьер детской площадки.

В пансионе нам предоставили небольшую полянку на набережной под крепостными стенами гостевого дома. Перед сном мы выдули весь их чай, засев в столовой с видом на озеро. Фонарь напротив пансиона на набережной не работал, поэтому вечером нас и наш тент было совсем не видно.

8 марта

С утра отправились на автовокзал рядом с мечетью. Ожидание автобуса, конечно, не обошлось без дегустации очередного турецкого национального лакомства – бублика-симита. Неплохо.

По мере движения на остановках ощущается снижение высоты: становится всё жарче. В турецких междугородних автобусах раздают чай со сладостями!

Денизли на первый взгляд показался малоинтересным. Обычный промышленный центр. Мы быстро эвакуировались из огромного сложно сочинённого автовокзала (прямо как Курский вокзал в Москве) на маршрутке до Карахаита, предварительно купив билет в Анталью на послезавтра. Впрочем, для начала мы вышли на повороте в Лаодикею. Лаодикея – древнегреческий город, совсем недавно обустроенный для показа туристам.

[11] Хорошенько поесть можно в столовой рядом с автовокзалом, это обойдется в 200-300 р с человека.

Повсюду ещё продолжаются археологические раскопки. У них есть специальные устройства, которым они время от времени обдуваются. Эх, мне бы такое. Слишком уж тут жарко.

Ваня Дадыкин (Дыдыка) на фоне развалин Лаодикеи

Пожалуй, самый яркий архитектурный момент – базилика с мозаикой. Очень приятные орнаменты то там, то тут. Колонны восстановлены кое-как, отдельные куски поставлены друг на друга без какого-либо порядка, даже диаметр, не говоря уж о рисунке, не всегда совпадает. Среди развалин снуют агамы. Очень хочется их схватить, ладно скоро на практикуме будем их определять, там и рассмотрю как следует.

Дадыка нашёл на холме настоящую черепаху. В честь 8 марта он засунул ей под панцирь ярко-красный анемон. Черепахус от восторга, кажется, даже перестал сопеть (по крайней мере, мы ничего не услышали). Вскоре мы нашли ещё одного более молодого и потому более подвижного черепахуса. Недовольный нашим появлением, он принялся так яростно сопеть, что сразу стало ясно, что я тоже черепахус, ведь последние дни и ночи я сопела, не переставая. Главное доказательство того, что я черепахус, заключается в том, что и Чумичка, и Черепахус начинаются на одну букву. Ладно, черепахусы забавные.

В Карахаите на центральной площади красуется красно-жёлто-зелёный травертин, единственный, не захваченный в частное владение. К нему постоянно подбегают местные жители, моют голову, споласкивают тряпки, просто сидят на бортике. Вообще минеральная вода течёт отовсюду, даже из крана в нашем пансионе[12]. Вокруг всех мало-

[12] До Памуккале от Карахаита на маршрутке можно доехать минут за 20, но жилье в Карахаите гораздо дешевле. Мы воспользовались Çavdar Thermal Hotel: тесноватый трехместный номер со всеми удобствами и

мальски заметных травертинов сформировались пятизвёздочные отели. Некоторые даже загубили своих подопечных. Типичное рабовладельчество!

Захваченный в рабство травертин

Маша Иванова (Чумичка-Черепахус) и Полина Волкова у травертинов Карахаита

скромным завтраком обошелся нам в 400 р с человека (окна выходили на шумную улицу). Вообще на окраинах Карахаита располагается множество кэмпингов.

Есть в Карахаите и общественные травертины в городском парке по типу Памуккале. Вокруг них снуют яркоокрашенные под цвет отложений жабы. С наступлением темноты жабы заполняют все бортики бассейнов и стерегут их от назойливых собак, ошивающихся по городу ночью вместо гопников.

9 марта

С утра под конвоем подгулявших за ночь псов отправились в Памуккале. Из-за излишней надоедливости последних впрыгнули в маршрутку. Как гласит путеводитель, в Памуккале можно попасть через три входа. Но есть и четвёртый. Со стороны трассы в одном месте[13] на приличном промежутке нет забора, и можно сразу выйти на главную аллею Иераполиса (развалин древнего города). А там уже никто не будет интересоваться, откуда ты взялся.

Пересохшие травертины Памуккале

Мы успели как раз к открытию (8:00). Пустота, никого, только служащие выметают последний сор. В небе маячат воздушные шары с туристами. По травертиновому полю можно ходить только по единственной тропинке и без обуви. Из-за чрезмерного использования травертинов, часть пересохла и заросла; былое великолепие уничтожено. Чтобы сохранить оставшиеся, служители в рыжих сапогах с помощью специальных щитов

[13] N 37.93523° E 29.1122°

направляют воду то в одну, то в другую сторону. Приятно ходить по известняковому покрытию.

В Иераполисе много разных орнаментов. Как же всё-таки здорово они сделаны. Много гробниц, есть остатки древнего завода по производству оливкового масла. Повсюду расставлены указатели на турецком, английском и русском языках. Впрочем, переводили с турецкого явно при помощи Google-переводчика в его худшие времена. Шедевром мы сочли табличку: «ЦЕПИ ПРОХОДЯТ ОПАСНО И ЗАПРЕЩЕНЫ». Город довольно сильно пострадал в результате землетрясений, но сейчас все сооружения уже почти восстановлены. Амфитеатр можно найти, двигаясь на истошные вопли. Конечно, со стороны бассейнов тоже доносятся крики, но реже и спокойнее. Их источником были попугаи, с которыми предлагают фотографироваться туристам. Со стороны можно подумать, что попугаев макают попеременно в горячие и холодные ванны в наказанье за недостаточную привлекательность, за то, что никто не хочет с ними фотографироваться. Попугай из амфитеатра понуро сидел на мусорке, а рядом с ним прохаживались стрёмно разодетые гладиаторы. Мне пришлось быстро залезть в панцирь, когда они приблизились на опасное расстояние. Здесь черепах много, авось меня и не заметят. Внутри зачем-то всё огородили. Нельзя даже спуститься до конца. Превосходно сохранившаяся сцена тоже за решёткой. Поднялись к Мартирию св. Филиппа. Он находится на самом верху раскопанного города, туда заходит редкий турист. Ну и кто после этого черепахус? Мы поленились возвращаться к выходам и просто вылезли через собачий лаз в заборе.

Прекрасно сохранившийся амфитеатр Иераполиса

За чертой Иераполиса начинается милый кипарисово-сосновый лес. Здесь приятно утрясти впечатления. Довольно быстро мы вышли на шоссе, ведущее к месту старта парапланов. От Карахаита нас отделяло длинное узкое ущелье с отвесными стенами. Чтобы его обойти, пришлось сделать приличный крюк по овечьим тропам и оливковым плантациям. Встретили аутентичных деда с внучкой возле их одинокого домика. Хотелось попросить у них немного сыра, но в момент встречи что-то попало под панцирь и пришлось залезть внутрь и посмотреть.

Потом мы вышли на сеть грунтовых дорог, которые всё ещё остаются белыми пятнами на Open Street Map, не в пример окрестностям Антальи. Свалились с горы прямо в центр нашего городка. Я неплохо пополнила свои запасы желудей и кипарисовых шишек. Славно походили.

Вечером опробовали новую кебабную, более мажорскую. По-моему, во вчерашней было уютней.

10 марта

С утра отправились на маршрутке в Денизли. Высадились, не доезжая автовокзала, у рынка (по колоритности приближается к Эгирдирскому, по размерам превосходит). Но вот овечий сыр у них совсем не такой. Ну чего можно ожидать, если он не лежит в бурдюках из овечьей шкуры? Денизли оказался лучше, чем на первый взгляд. Есть даже историческая часть. Наверное, я просто не люблю большие шумные города.

Автобус домчал нас до Антальи за три часа. По пути нас опять останавливали военные и у всех проверяли паспорта. Мой сон потревожила лишь пассажирка, проехавшая свою остановку и очень возмущавшаяся из-за этого. Но это было в самом конце.

В Анталье на автовокзале с трудом нашли камеру хранения (никто не знает английского!), запихнули туда рюкзаки и убежали в музей. В результате поездки в троллейбусе не совсем по нужному маршруту и последующего бешеного галопа по набережной мы успели в музей за час до закрытия (17:30). Хоть он и называется музеем Антальи, там представлены археологические находки со всей Турции (но в основном из близлежащего Аспендоса). Довольно интересно. Хотя мы успели всё посмотреть, дополнительное время не помешало бы.

Остаток вечера гуляли по городу, прошлись мимо всех достопримечательностей старого города, отмеченных Полиной. Очень надоедливые торговцы, едва заслышав русскую речь, сразу начинают выкрикивать приветственные слова. В основном они реагируют на иностранцев и потому сразу говорят: «Hello». Далее следует неизменный вопрос «Where are you from?», чтобы переключиться на другой язык. Как известно, лучшая защита – нападение. Поэтому мы попробовали задать второй вопрос первыми. К чести торговца, после полуминутного раздумья он всё же смог сообщить, что он из Турции.

До аэропорта регулярно ходит автобус от автовокзала. А дальше бесконечные ожидания, стояния в очереди, предвкушение практикума по позвоночным.